

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

Л. С. ГАМАЮНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИИ В РОССИИ

(К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. С. ЛЕБЕДЕВА)

Индия с давних пор привлекала к себе внимание русского народа. Чудесный вымысел о ней запечатлен в ряде исторических и литературных памятников далекого прошлого нашей родины. На протяжении многих веков замечательные художественные образы, связанные с Индией, жили в русском устном народном творчестве: в былинах о Василии Буслаеве, о Дюке Степановиче, в народных сказках и т. д.

Образованная часть русского общества с древних времен знакомилась с Индией по письменным произведениям, проникавшим из Византии и Балканских стран. Вплоть до середины XV в. литературное наследство Киевской и Новгородской Руси было главным источником тогдашних знаний об Индии. Из письменных произведений следует напомнить о наиболее популярных в читательской среде того времени «Сказании об Индейском царстве», а также об отдельных отрывках из «Александрии» и о «Христианской топографии вселенной» Космы Индикоплова ¹.

Как народный эпос, так и письменные литературные источники свидетельствуют о большом интересе к Индии, но в то же время и об отрывочности и недостаточности знаний об этой стране. По существу, русские, так же как и народы Западной Европы, не обладали в то время сколько-нибудь точными и достоверными знаниями об Индии. Установившийся в первые столетия нашей эры и державшийся на протяжении всего средневековья разрыв между Европой и Индией, отсутствие непосредственного контакта между ними, а также засилие бого-

¹ М. Н. Сперанский. Индия в старой русской письменности. Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности». Л., 1934, стр. 463—469.

словия в средневековой науке, отрицательно сказавшееся и на географических сочинениях, объясняют, почему веками могли жить чудесные вымыслы об Индии: почему поэтические образы таинственной, далекой, загадочной и сказочно богатой страны смогли надолго вытеснить правду о ней.

В XV в. появляется первое произведение на русском языке об Индии, написанное тверским купцом Афанасием Никитиным, который прожил в государстве Бахманидов несколько лет (1469—1472). «Хождение за три моря» Афанасия Никитина занимает видное место в истории не только русской литературы, но и русской науки¹. Для своего времени «Хождение за три моря» было первоклассным политико-географическим произведением, в котором правдиво и ярко описана Индия XV в. Для нас «Хождение» является выдающимся источником по истории народов и истории культуры средневековой Руси и Индии. «Хождение за три моря» было переведено впоследствии на европейские языки и до сих пор представляет исключительный интерес как источник для изучения истории Декана, сообщающий ряд фактов, которых нет в других источниках. Тщательно выполненное и продуманное, глубоко эмоциональное по языку и художественное по форме, ценное по своему содержанию, «Хождение» стоит неизмеримо выше произведений западноевропейских путешественников XV в. — Васко да Гама и Николо ди Конти.

Афанасия Никитина отличали глубокий интерес и симпатии к народам Индии, среди которых он провел несколько лет. В противоположность западноевропейским путешественникам, Никитин смотрел на страну не с точки зрения корыстного стяжателя, алчущего наживы, а как вдумчивый и внимательный наблюдатель.

На заслуги русских в изучении Индии указывал еще Н. М. Карамзин, который открыл «Хождение» в рукописи XVI в. Он писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... Оно (путешествие) доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей (французские путешественники XVII века), менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индейцы слышали об ней прежде нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно

¹ «Хождение за три моря» Афанасия Никитина было неоднократно опубликовано и исследовано. См. последнее по времени издание 1948 г.

мыслили о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара...»¹

Путешествию А. Никитина, как известно, посвящено немало самых разнообразных исследований; памятник этот подвергся всестороннему анализу как филологами, так и историками, в том числе востоковедами. Он прочно вошел в науку как неопценимый источник по истории средневековой Индии и истории Руси. В задачу настоящей статьи не входит всестороннее рассмотрение этого путешествия и его вещественных результатов — сочинения самого путешественника. Однако, поскольку именно со времени этого путешествия начинают создаваться традиции, которые в последующем, несколько веков спустя, уже в период зарождения и развития отечественной индологии возобладали в этой науке, следует отметить несколько черт, характеризующих первого русского путешественника в Индию. Афанасия Никитина отличали горячий патриотизм, любовь к Русской земле, отсутствие и тени конкистадорского подхода, исключительный гуманизм, любовь и уважение к народам Индии.

Наблюдательность, любознательность и незаурядные способности путешественника позволили ему в течение почти трехлетнего пребывания в Индии узнать многие стороны индийской жизни и сделать записи, благодаря которым его сочинение стало уникальным историческим источником. Сочинение Никитина представляет интерес также и с филологической стороны, причем не только с точки зрения русской филологии, но и с восточной, в частности индийской. Вероятно, это был первый русский, практически знакомившийся с индийскими языками, находясь в определенной языковой среде. Надо думать, что, проведя большую часть времени на Декане, Никитин более всего овладел хиндустани в его деканской форме; не исключено также, что какос-то представле-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, гл. VII, 1842, стр. 226—228.

Превосходство описания Индии русским путешественником отмечалось академиком И. Срезневским и профессором И. П. Минаевым. Так, Срезневский писал: «Венецианец ди-Контти (1444), тверич Никитин (1472) и синесец (португалец) да Гама (1499) — вот от кого остались важнейшие записки об отдаленных странах Южной Азии XV в.; осветляемые одни другими наблюдения двух первых гораздо ценнее по обилию и содержанию, и Никитин в этом отношении должен быть поставлен выше ди-Контти: с этим, надеюсь, согласится всякий, кто примет на себя труд познакомиться с его Хожением и сравнит его труд с записками ди-Контти, вникая в смысл сказаний того и другого» (И. И. Срезневский. Хождение за три моря А. Никитина, 1857).

ние он имел о языке маратхов и других народов Индии. Таким образом, если учесть, что купец Никитин не нашел в Индии товаров для Русской земли, то его длительное пребывание в Индии можно расценивать как первую попытку русских всесторонне изучить Индию.

В то время возможность расширения экономических и политических отношений молодого Русского государства на Востоке, в частности с Индией, еще не могла быть реализована. Русский рынок не нуждался в изделиях индийского ремесла и в других индийских товарах. Путешествие Афанасия Никитина не привело к установлению прочных связей России с Индией. Но, во всяком случае, это путешествие повлекло за собой расширение знаний русских людей об Индии; в то же время в Индию проникли сведения о России.

В этой связи вряд ли можно считать случайным появление в Москве в конце XV и первой трети XVI в. посланцев с Востока. Россия, экономически укрепшаяся, приобретала политический и экономический вес не только на Западе, но и на Востоке.

В 1533 г. (или в сентябре 1532 г.)¹ к великому князю Василию III Ивановичу (1505—1533) прибыл первый посол из Индии с предложением от имени падишаха Бабура — основателя династии Великих Моголов — «быть с ним в дружбе и братстве». Когда он отправлялся к себе на родину, с ним была послана грамота великого князя к падишаху Бабуру, в которой говорилось, «чтоб люди промеж их ездили; а о братстве к нему (Великий князь) не приказал...»² Трудно сказать, был ли этот купец подлинным послом или самозванцем, действовавшим от имени Бабура, скончавшегося за три года до приезда посла в Москву.

Попытки завязать торговые связи с Россией исходили от частных лиц — предприимчивых индийских купцов, которые стали впервые появляться в Астрахани в начале XVII в. и основывать там свои торговые поселения. В России, напротив, инициатива развития русско-индийских отношений исходила преимущественно от правительственных кругов, хотя

¹ А. Ф. М а л и н о в с к и й. Известие об отправлении в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приезде в Россию индийцев — с 1469 по 1751 год. «Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете», ч. VII. М. В Университетской типографии, 1837, стр. 123; см. также В. Б а р т о л ь д. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2. Л., 1925, стр. 174—175.

² А. Ф. М а л и н о в с к и й. Указ. соч., стр. 124.

нередко посольские функции возлагались на торговых людей¹. После присоединения Астрахани к России создались более благоприятные условия для развития торговли русских с индийскими купцами, приезжавшими из Индии через Персию. Борис Годунов, еще будучи боярином, проявлял интерес к торговле со странами Востока в Астрахани, а по восшествии на престол стал оказывать особое покровительство индийским купцам, торговавшим с Россией. На протяжении всего XVII в. продолжались поиски сухопутных дорог в Среднюю Азию, Китай и Индию. Русское правительство уделяло большое внимание изучению путей в Индию, о чем свидетельствуют указы посланникам в страны Средней Азии, а также в Китай. Кроме других поручений, некоторым русским послам предписывалось разузнавать об Индии и наиболее удобных путях, которые ведут в нее из Средней Азии. Отчеты (статейные списки русских посланников) любопытны в том отношении, что в них приводится ряд сведений, которые нашим «гончикам» удавалось раздобыть об Индии. Как правило, это были сведения о взаимоотношениях Индии с соседями, о дорогах в Индию, о безопасности этих дорог, о населении соседних с Индией стран и т. д. Из таких посольств назовем посольство 1620 — 1622 гг. Ивана Даниловича Хохлова в Бухару². Хохлов, между прочим, сообщал, что во время одного из набегов 1603 г. яицких казаков на Хивинское ханство под предводительством Нечая погиб русский купец Леонтий Юдин, который, по словам И. Д. Хохлова, «был для торгу в Бухарех и в Индее семь лет»³. К сожалению, не сохранилось никаких сведений об одном из первых русских купцов, торговавших в Индии. Географические сведения, которые удавалось приобрести первым русским посольствам, были очень неясны и недостоверны⁴.

К половине XVII в. географические знания в России о соседних с ней странах приобретают более достоверный характер, становятся значительно отчетливее.

В 1646 г. царь Алексей Михайлович послал в Бухару астраханского купца Анисима Грибова, приказав ему ехать из

¹ Вопросу о русско-индийских отношениях в XVII в. в наше время посвящена в высшей степени обстоятельная работа Н. М. Гольдберга «Русско-индийские отношения в XVII веке». «Ученые записки Тихоокеанского института», т. II. М.—Л., 1949.

² С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915, стр. 17; статейный список Хохлова см. «Сборник князя Хилкова». СПб., 1879, стр. 388—446; В. Бартольд. Указ. соч., стр. 177—178.

³ В. Бартольд. Указ. соч., стр. 177.

⁴ Там же, стр. 179.

Астрахани морем в Персию, а оттуда — в Среднюю Азию. Послу предписывалось разузнать об Индии и, в частности, о наилучшем пути в Индию от Астрахани¹.

В середине 1669 г. был дан наказ Борису и Семену Пазухиным ехать в Бухару и Хиву² для выкупа пленных и собирания сведений о путях в Индию³. Для изучения путей в Индию посланники выслали в Балх своих переводчиков Никиту Медведева и Семена Измаила. Медведев выполнил возложенную на него задачу и, вернувшись к послам, сообщил относительно подробный маршрут с указанием, сколько дней требуется для проезда от одного пункта до другого⁴. Затем была предпринята попытка проехать в Индию через Среднюю Азию. С этой целью и было отправлено посольство Василия Александровича Даудова и Мухаммеда Юсуфа Касимова. Первый должен был доехать до Бухары. Касимов же должен был проследовать в Индию. Посольство Касимова не достигло цели. Посол не смог проехать в Индию⁵.

Насколько в России были заинтересованы в установлении связей с Индией, можно судить и по тому, что сведения об этой стране собирались даже путем расспросов приезжавших в Россию купцов и посланников из восточных стран. Так, например, такие сведения об Индии сообщил в 1671 г. бухарский посол Муллафар, в 1645 г. — индеец Сатур и др.

Попытки найти путь в Индию предпринимались не только через Среднюю Азию, но и в других направлениях. Этим также занимались торговые люди и посланники, ездившие в Китай и Персию. Известно, например, что в тексте чертежа всей Сибири П. И. Годунова (1667) говорится о Китае и Индии. Нельзя не отметить вопроса о поисках путей в Индию северным морским путем. Соображения об этом впервые были высказаны Дмитрием Герасимовым в 1525 г. Повидимому, предпринимались и конкретные меры, однако все попытки отыскать северный морской путь в Индию были неудачны.

¹ С. В. Жуковский. Указ. соч., стр. 17. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 179. В. А. Уляницкий. Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI—XVII веках. «Чтения Общества истории и древностей российских», 1888, кн. 3, стр. 21—22. Бартольд отмечает, что подобное поручение было дано Грибову еще при царе Михаиле Федоровиче. К сожалению, вторая поездка была неудачна.

² В. Бартольд. Указ. соч., стр. 179—180.

³ «Русская историческая библиотека» (в дальнейшем — РИБ), т. XV. СПб., 1894, стр. 1—21.

⁴ РИБ, т. XV, стр. 62.

⁵ О посольстве Касимова см. Н. М. Гольдберг. Указ. соч., стр. 146—147.

Большой интерес представляет «Ведомость о Китайской земле и глубокой Индии», составленная в Тобольске П. И. Годуновым в 1669 г., до поездки в Китай Спафария. Правда, об Индии в «Ведомости» сказано немного: «А в Индею великую ис Китаи ходят сухим путем, а ходу осмь месяцев, а в дороге степми только перебродят три реки. А царя Индейского называют Шайджаин (Шайд-Жан). А от него есть посаженники и иные цари индейские, только он над ними большой. А вера их молятца болваном и веруют в Корову»¹. По всей вероятности, это были распросные сведения, но они любопытны как одно из доказательств широко распространенного интереса к Индии.

Первым начал налаживать дипломатические и экономические отношения с государством Великих Моголов царь Алексей Михайлович (1645—1676). В 1646 г. к падишаху Шах-Джахану московское правительство направило послов Никиту Сыроежина и Василия Тушканова. Послам была вручена грамота, в которой Алексей Михайлович предлагал установить дипломатические и торговые отношения с Великим Моголом².

В 1651 г. Родиону Микитину и Ивану Никитину было предписано отправиться в Индию. Несмотря на неудачи первых двух посольств, правительство царя Алексея Михайловича не оставляло мысли об установлении дипломатических и экономических связей с Индией. В 1675 г. к падишаху Аурангзебу был отправлен посол Касимов. Послу предписывалось разузнать о путях из России в Индию, выяснить отношение двора и купцов к вопросу об установлении прочных взаимосвязей между Индией и Россией, вместе с тем ему предписывалось привлекать индийских ремесленников для работы в России, а также заключить предварительное соглашение на получение двух-трех тысяч пудов серебра в обмен на русские товары³.

В 1694 г. в Индию было отправлено посольство Семена Маленького, Сергея Аниксева и Ивана Севрина с целью установить торговые отношения с государством Великих Моголов. В декабре 1696 г. Маленький приехал в Сурат, затем был

¹ Цит. по кн. Д. М. Лебедев. География России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М.—Л., 1949, стр. 200.

² А. Ф. М а л и н о в с к и й. Указ. соч., стр. 130—131.

³ Там же, стр. 153—159; «Наказ Алексея Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному к Великому Моголу Аурангзебу». Издал Дмитрий Кубеко. СПб., 1884; Н. М. Г о л ь д б е р г. Указ. соч., стр. 144.

в Агре и Дели. Падишах принял русского купца и разрешил ему вести торговлю. Маленький около пяти лет успешно торговал в Индии¹.

Ни миссия Касимова, ни миссия Маленького не дали ожидаемого результата; ни та, ни другая не повели к установлению торговых и дипломатических отношений между державой Великих Моголов и Русским государством. Основная причина неудач неоднократных и настойчивых попыток русского правительства установить непосредственные отношения с Великими Моголами заключалась во внутреннем и внешнем положении государства Моголов в XVII в. Некогда могущественная держава Моголов клонилась к упадку, и ее правителям было не до торговли с Россией. С середины XVII в. отмечается в государстве Моголов глубокий экономический упадок и социальные потрясения. Кризис еще более усугублялся тем, что западноевропейские страны начали превращать Индию в объект колониального грабежа.

Попытки русского правительства установить торговые и дипломатические отношения с Индией не прекращались и позже, на протяжении XVIII в. Известно, что Петр I был серьезно озабочен тем, чтобы расширить торговые отношения с Индией. Русское правительство разрешило индийским купцам свободно торговать не только в Астрахани, но и в Москве и других городах, а также приезжать на ярмарки. Несомненно, что тогдашнее русское правительство видело в расширении своей территории в районе Каспийского моря одну из возможностей активизировать восточную торговлю, в частности торговлю с Индией. Этому способствовало приобретение Россией по договору с Персией от 12 августа 1723 г. Дербента и Баку с Гилянской, Мазандаранской и Астрабадской провинциями. Еще значительно раньше, снаряжая экспедицию Александра Бековича Черкасского в Хиву и Бухару, Петр I имел намерение изучить пути в Индию. Начальнику экспедиции Бековичу предписано было соорудить в старом устье Аму-Дарьи крепость и затем выяснить, возможно ли повернуть Аму-Дарью в Каспийское море².

Петр I рассчитывал, что, направив Аму-Дарью в Каспийское море, можно будет установить торговый путь в Индию.

¹ О миссии Маленького см. А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 165—166. Н. М. Гольдберг. Указ. соч., стр. 147—148. Д. М. Лебедев. География в России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 103—104.

² Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946, стр. 175.

В Индию должен был направиться Александр Кожин с грамотой к Шах Атому¹.

На протяжении XVIII в. в России появлялось немалое число работ об Индии, по которым русское общество знакомилось с литературой, религией, обычаями народов Индии. Все эти сведения приходили к нам, как правило, из вторых и третьих рук. Это были переводы с западноевропейских языков.

В XVIII в. интерес к Индии в русском обществе значительно расширился и приобрел несколько иной характер, чем в предшествующий период. В это время со стороны русского правительства активизировались попытки установить торговые отношения с Индией, наладить, в частности, торговлю через Среднюю Азию и Иран. В то же время продолжались поездки в Индию и по частной инициативе. Из путешествий XVIII в. назовем странствования Филиппа Ефремова, который побывал в Кашгаре, Яркенде, Тибете и Индии. Написанная Ефремовым по возвращении на родину книга о его девятилетних странствованиях выдержала в свое время три издания. Это, несомненно, свидетельствовало о большом внимании русского общества ко всему, что сообщалось об Индии². В конце XVIII в. совершили путешествие в Индию братья Атанасовы (1790), рассказ которых был записан значительно позднее и опубликован в XIX в.³ Путешествие Рафаила Данибегова в Индию стало известно русскому читателю в 1815 г.⁴

В XVIII в. в связи с основанием Российской Академии наук можно отметить появление научного интереса к Индии. Так, например, в начале века академик Т. З. Байер изучал санскрит у индийца, проживавшего в Петербурге. Т. З. Байер имел некоторое представление о дравидских языках — тамильском и телугу. В 30-х годах XVIII в. Т. З. Байер в академических «Комментариях» опубликовал две статьи, которые были результатом его занятий индийскими языками. В статье «Elementa litteraturae brahmanicae» (1732—1735) он впервые в России дал образцы санскритского алфавита⁵.

¹ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 175. А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 174. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1882, стр. 346. С. Соловьев. История России, т. XVI, изд. 2. М., 1874, стр. 227.

² Ф. Ефремов. Девятилетнее странствование. М., 1949. В. Бартольд, Указ. соч., стр. 224, 231.

³ В. Бартольд. Указ. соч., стр. 227.

⁴ Там же, стр. 227, 228, 231.

⁵ А. П. Баранников. О культурных отношениях между Россией и Индией. «Известия АН СССР». ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 6, стр. 461.

Индийскими языками занимался также Д. Мессершмидт, в черновых записках которого сохранились образцы алфавита деванагари и парадигмы тамильского склонения¹.

Следует также упомянуть так называемый Сравнительный словарь Екатерины II (1787), составители которого имели представление об индийских языках и диалектах, в частности о санскрите, хиндустани, бенгали, мультани. Мультани (промежуточный диалект между языками панджаби и синдхи) занимался упомянутый выше Мессершмидт². Академик Паллас, еще когда был в Астрахани, сделал несколько записей отдельных фраз и числительных со слов проживавших в астраханской колонии индийцев. В России очень внимательно следили за зарубежной, прежде всего английской, литературой об Индии. Так, вскоре после того, как Чарлз Уилкинс (1785) перевел «Бхагавадгиту», она была переведена и на русский язык³.

В 1792 г. на русском языке появился перевод другого замечательного памятника индийской культуры — «Сакунталы». Переводчиком «Сакунталы» был известный русский историк и писатель XVIII в. Н. М. Карамзин, которому, как уже отмечалось выше, принадлежала честь открытия «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

Безусловно, Карамзин питал глубокий интерес к истории и культуре народов Востока, в частности Индии. Не случайно, что именно он впервые познакомил русское общество с выдающимся творением великого индийского поэта Калидаса. В предисловии к переводу Н. М. Карамзин писал: «Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде — человек; везде имеет он чувствительное сердце, и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде Натура есть его наставница и главный источник его удовольствий.

«Я чувствовал сие весьма живо, читая Сакунталу, драму, сочиненную на индейском языке, за 1900 лет перед сим, Азиатским Поэтом Калидасом, и недавно переведенную на английской Виллиамом Джонсом. . . Почти на каждой странице сей драмы находил я высочайшие красоты Поэзии, тончайшие чувства, кроткую, отменную неизъяснимую нежность, подобную

¹ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. (XIII—1825). СПб., тип. М. Меркушева, 1904, стр. 494—495, 200—201.

² С. К. Булич. Указ. соч., стр. 502—504.

³ «Багуат-гета, или беседы Кришны с Аржуном, с примечаниями. Переведенныя с подлинника писанного на древнем Браминском языке называемом Санскритта, на Английской, а с сего на Российской язык». М., в университетской типографии у Н. Новикова, 1788.

БАГУАТ-ГЕТА,

или

БЕСЪДЫ

КРИШНЫ

съ

АРЖУНОМЪ,

съ примѣчаніями,

*Переведенныя съ подлинника писаннаго
на древнемъ Браминскомъ языкѣ, назы-
ваемомъ Санскрипта, на Англійской, а
съ сего на Россійской языкѣ.*

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи у И. Новикова.

1 7 8 8.

Титульный лист первого в России перевода «Бхагавадгиты»

тихому Майскому вечеру — чистейшую, неподражаемую натуру, и величайшее искусство. Сверх того ее можно назвать прекрасною картиною древней Индии, так как Гомеровы Поэмы суть картины древней Греции, — картины, в которых можно видеть характеры, обычаи и нравы ее жителей.

«Калидас для меня столь же велик, как и Гомер. Оба они получили кисть свою из рук Натуры, и оба изображали — Натуру. Для собственного своего удовольствия перевел я некоторые сцены из Саконталы, и потом решился напечатать их в Московском Журнале, надеясь, что сии благовонные цветы Азиатской Литературы будут приятны для многих читателей, имеющих тонкий вкус и любящих истинную поэзию»¹.

В 1785 г. русский профессиональный музыкант, путешественник Герасим Лебедев предпринял поездку в Индию и в течение двенадцати лет (1785—1797) жил в этой стране, изучая языки, литературу, обычаи страны. Путешествие Лебедева в Индию занимает особое место как в истории русской науки, так и в истории культурных связей и дружественных отношений между Россией и Индией.

Путешествие Герасима Степановича Лебедева принадлежит к числу самых выдающихся русских путешествий конца XVIII в. Этот ученый-самородок, посвятивший изучению Индии много лет, стал основоположником русской индологии.

Деятельность Лебедева приходится на последние десятилетия XVIII и начало XIX в.

Главными источниками, по которым мы можем воспроизвести хотя бы в общих чертах основные этапы жизни и деятельности этого ученого, его научную биографию, являются опубликованные им труды на русском и английском языках, а также рукописный фонд, хранящийся в настоящее время в Центральном государственном архиве литературы и искусства².

¹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., стр. 127. Пер. см. «Московский журнал». М., в университетской типографии у В. Окоорокова, 1792, ч. VI, стр. 125—156, 294—322.

² Наиболее подробные данные о жизни Г. С. Лебедева содержатся в его книге «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов священных обрядов их и народных обычаев». СПб., 1805. Введение («Предуведомление») к этой книге представляет несомненный интерес для биографа Лебедева, так как в «Предуведомлении» Лебедев отмечает некоторые вехи своей жизни, в частности, подробно освещает период пребывания в Индии. Сведения биографического порядка приводит Лебедев также в изданной им на английском языке книге «Grammar of the pure and mixed East Indian dialects...» (полное название см. ниже). Эти работы дают нам возможность составить определенное представление о его научных и политических взглядах, о его планах и т. д. Исключительно важным источником являются рукописные книги Лебедева. Цент-

Герасим Степанович Лебедев родился в 1749 г. в Ярославле. В юности он не получил систематического образования и только в возрасте пятнадцати лет научился грамоте и музыке. Музыка стала его профессией. В 1777 г. вместе с посольством, назначенным в Неаполь, Лебедев выехал из России. За восемь лет он побывал во многих европейских государствах, был в Вене, Париже, Лондоне. За это время он основательно познакомился с западноевропейскими языками и литературой и, главное, приобрел большой жизненный опыт, что впоследствии дало ему возможность серьезно заняться изучением Индии.

Дать исчерпывающую характеристику взглядов Лебедева, его мировоззрения, очень трудно из-за неполноты сохранившихся сведений о его жизни и деятельности. Наиболее сложным делом является освещение доиндийского периода жизни и деятельности Лебедева.

Несомненно, что на Лебедева оказала огромнейшее влияние обстановка в современном ему Ярославле, который был тогда одним из значительных экономических центров России. Ярославль играл видную роль во внешней торговле России, изделия его промышленности находили сбыт в самых отдаленных странах. Ярославль навещали иностранные купцы. Известно, в частности, что туда наезжали и индийские торговцы¹.

ральный государственный архив литературы и искусства (в дальнейшем — ЦГАЛИ), фонд князей Вяземских И. А., А. И., П. А., П. П. — ф. № 195, оп. 1. Коллекция состоит из четырех книг: 1) ед. хр. 6075 — Лебедев Г. Тетрадь с переводами пьес для театра в Калькутте и копией меморандума. На русском, английском и бенгальском языках, 1795. Автограф. 76 л. (альбом); 2) ед. хр. 6076 — Тетрадь с переводами пьес, афишами театра в Калькутте. На русском, английском и бенгальском языках, 1796. Автограф. 199 л. (альбом); 3) ед. хр. 6077 — Тетради с копиями писем английской купеческой компании, жалоб, заметок, вызова в суд по вопросу уничтожения театра в Калькутте. На русском и английском языках, 1797. Автограф (альбом); 4) ед. хр. 6081 — Тетрадь с записями исторического и лингвистического характера. На русском и бенгальском языках, 1799. Автограф (альбом). Часть материалов, имеющих отношение к Лебедеву, опубликована в «Архиве князя Воронцова», кн. 24. М., 1880, стр. 174—179.

В настоящей статье рукописные и печатные источники цитируются без сохранения старой орфографии с тем, чтобы облегчить понимание текстов. Это тем более важно, что язык и стиль Лебедева в значительной степени сохраняют еще обветшалые украшения, и не везде освободился от высокопарности. Но в целом его языку присуща и смысловая насыщенность, образность и точность. Известные в настоящее время источники позволяют осветить с наибольшей полнотой период пребывания Лебедева в Индии.

¹ А. Ф. М а л и н о в с к и й. Указ. соч., стр. 140—142; М. Н. С п е р а н с к и й. Указ. соч., стр. 467; Н. М. Г о л ь д б е р г. Указ. соч., стр. 142.

IV.

СЦЕНЫ ИЗЪ САКОНТАЛЫ,

Индѣйской драмы.

Отъ Издателя.

Геортеской *Духъ* обитаетъ не въ одной Европѣ; онъ есть гражданинъ вселенной. Человѣкъ вездѣ человѣкъ; вездѣ имѣетъ онъ чувствительное сердце, и въ зеркалѣ воображенія своего оцѣняетъ небеса и землю. Вездѣ *Натура* есть его наставница и главный источникъ его удовольствій.

Я чувствовалъ сіе весьма живо, читая *Саконталу*, драму, сочиненную на Индѣйскомъ языкѣ, за 1900 лѣтъ передъ симъ, Азіатскимъ Поэтомъ *Калидасомъ*, и недавно переведенную на Англійской *Вилліамомъ Джонсомъ*, Бенгалскимъ Судьею (которой и прежде того извѣстенъ былъ въ чужомъ свѣтѣ по своимъ переводамъ съ восточныхъ языковъ), а на Нѣмецкой *Профессоромъ Георгомъ Форстеромъ* (которой путешествовалъ съ *Кукомъ*

Вместе с тем в городе была развита относительно высоко театральная и музыкальная культура. Не случайно, что и основатель национального русского театра Федор Волков, и один из первых деятелей бенгальского театра Герасим Лебедев были ярославцами. Не подлежит никакому сомнению, что страсть к путешествиям и идея поездки в Индию возникли у Лебедева очень рано и, безусловно, под влиянием окружающей его среды, а также под влиянием литературы об Индии, уже в то время распространенной в России.

Лебедев был профессиональным музыкантом, и хотя об этой стороне его деятельности мы, по сути дела, знаем столь же мало, как и о многих других сторонах его жизни, нельзя не обратить внимания на один весьма примечательный и кое-что объясняющий факт. Это — его знакомство или какая-то связь с известным в то время меломаном, любителем музыки графом Разумовским, с посольством которого Г. С. Лебедев выехал в Европу. Известно, что Разумовский общался с крупнейшими композиторами Западной Европы. Он был знаком, в частности, с Бетховеном и познакомил последнего с русскими народными песнями. Результатом знакомства Бетховена с русскими песнями явилось создание «Русских мелодий». Бетховен изучал русские напевы по преподнесенной ему Разумовским книге «Собрание народных русских песен с их голосами»¹.

Надо полагать, что уже в ранние годы Лебедев достиг значительных успехов в музыке. Не случайно поэтому он обратил на себя внимание такого ценителя музыки, каким был Разумовский. О большом профессиональном мастерстве Лебедева свидетельствовал также успех, которым он неизменно пользовался в европейских столицах, а затем и в Индии.

В связи с театральной и музыкальной деятельностью Лебедева следует отметить, что он был знаком как с национальным русским искусством, так и с европейским, а впоследствии и с индийским. Восстановить эстетические воззрения Лебедева не представляется возможным. Однако отдельные его замечания позволяют выяснить главное: в основе его музыкальной и театральной культуры лежало русское национальное искусство и усвоенная им общеевропейская культура того времени.

В формировании взглядов Лебедева большую роль сыграли путешествия по Европе. За это время ему удалось восполнить

¹ «Собрание народных русских песен с их голосами; музыку для фортепиано положил Иван Прач», ч. 2. СПб., 1790. Первое издание вышло в одной части. Предисловие «Рассуждение о русском народном пении» написано Николаем Александровичем Львовым, который, согласно указанию Геннади, был издателем этой книги (см. Словарь, т. 2, стр. 284).

пробелы в образовании, приобрести большой жизненный опыт и необходимые сведения, позволившие впоследствии основательно изучить языки, нравы и обычаи Индии.

Характерной особенностью мировоззрения Лебедева были идеи гуманизма, всеобщего блага, естественного права человека. Об этом свидетельствовали отдельные его высказывания, но в особенности деятельность в Индии. Очевидно, что Лебедев не остался в стороне от передовых веяний своей эпохи.

Политическим идеалом Лебедева был, пожалуй, просвещенный абсолютизм. Разумеется, что при этом меньше всего могут идти в счет обращения Лебедева к монархам в посвящении к книге «Беспристрастное созерцание» и в отдельных местах ее. Это, с одной стороны, дань времени, необходимая форма, с другой — выражение патриотизма, любви к «преславной Российской державе». Подтверждением мнения о том, что политическим идеалом Лебедева была просвещенная монархия, служит письмо Лебедева к Я. И. Смирнову. Собираясь возвратиться на родину, он просит Смирнова сообщить «царствует ли как при великой Екатерине у нас добродетель, и награждаются ли достойно заслуги, или порокам как и за мою жизнь люди порабощены»¹.

Совершенно очевидно, что Лебедев, как и многие его современники, считал, что именно век Екатерины был веком просвещения, расцвета наук и искусства. В письмах к своим корреспондентам Лебедев высказывал также мысль о том, что именно в монархических государствах, более чем в «купеческом», отмечались подвиги на всех поприщах, в том числе на поприще науки и искусства.

Но, будучи монархистом, Лебедев, знакомый и с другими образами правления, весьма высоко ценил те преимущества, которыми пользовались граждане других стран, в частности Англии. Вместе с тем он заметил и некоторые пороки буржуазного общества. Интересно его замечание об английской правовой системе. Искренне веривший в ее совершенство, Лебедев, узнав ее ближе, с горечью и разочарованием пришел к выводу, что собственно у англичан нет оснований похвалиться своими законами, справедливостью и пр.

Замечательна, например, его обличительная характеристика меркантильного духа, власти денег, стяжательства и алчности, которые господствовали в буржуазном обществе, в частности в английской театральной среде. Описывая

¹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 34 (23 об.). В этом альбоме двойная нумерация, в дальнейшем ссылка приводится с указанием двойной нумерации.

злоключения, приведшие к гибели его театр, Лебедев в письме к А. А. Самборскому от 9 мая 1797 г., касаясь того периода, когда, по его словам, «фортуна на крыльях... несла»¹, писал: «Не вспамятовал при заботах, что в купеческом государстве златоблестящая руда, как и сребросияющая кровь в театральных и жадных богатства людях воспала ненависть заставит суетится опорочить и повредить иностранцево похвальное дело и довести до падения»².

Следует отметить, что, общаясь с такими деятелями, как Я. И. Смирнов, А. А. Самборский, С. Р. Воронцов, Лебедев в какой-то мере усваивал или разделял некоторые их взгляды. Известно, что тогда русская дипломатическая среда в Англии и близкие к ней люди весьма внимательно относились к английскому буржуазному прогрессу.

Собственно все названные выше деятели были англоманами. Я. И. Смирнов (1759—1843), по отзывам как русских, так и зарубежных современников, был одним из образованнейших людей своего времени. Он был знаком с английскими историками и философами, интересовался постановкой английского земледелия и промышленности, являлся поборником внедрения соответствующих достижений у себя на родине. С буржуазной точки зрения он развивал прогрессивную деятельность. Многие русские, приезжавшие в Англию для изучения различных отраслей хозяйства или, например, по линии Адмиралтейства для стажировки в английском флоте, всегда находили помощь у Смирнова. В последующем Я. И. Смирнов был одним из членов Вольного Экономического общества и печатал свои труды в изданиях этого общества. В период своей жизни в Англии Смирнов консультировал английского историка Тука, когда тот писал историю России времен Екатерины II³.

Кроме того, сам Я. И. Смирнов перевел и издал сочинения Плещеева о России⁴. С. Р. Воронцов писал о Я. И. Смирнове государственному канцлеру: «Он действительно в нужде находится... Своим же знанием и почтением, которое заслужил здесь в обществе, усердием к отечеству весьма нужен для всех наших земляков, кои как от Адмиралтейской коллегии, так и из других разных мест для обучения сюда присылаются».

¹ ЦГАЛИ, л. 8 (49 об.).

² Там же, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 49 (8 об.).

³ В. Н. Александренко. Русская посольская церковь в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1895, стр. 23.

⁴ Survey of the Russian Empire... by capt. Sergey Plescheeff (3 ed.) transl. from the Russian with considerable additions by James Smirnov, Chaplain to the Legation of H. J. M. of all the Russians at the Court of Great Britain. London, MDCCXCII.

12 февраля 1785 г. Лебедев отправился в Индию, ради изучения которой, как писал он, «в пользу отечества чрез целые двенадцать лет жертвовал я там моим иждивением и жизнью»¹.

Возникает, естественно, вопрос о целях и характере этого путешествия.

Академик В. В. Бартольд в свое время писал: «Столь же случайно, как в XV в. Афанасий Никитин, проник в Индию в конце XVIII в. другой русский путешественник, музыкант Герасим Лебедев...»². Однако собственные высказывания Лебедева о целях путешествия вряд ли допускают возможность рассматривать это путешествие как случайное. Главная цель пребывания в Индии Лебедева, судя по его собственным словам, состояла в изучении страны и, в частности, языков ее народов. Задача самообразования, которую Лебедев никогда и нигде не терял из виду, выступала при этом как подчиненная главной цели, являясь в то же время необходимым условием и предпосылкой его научных занятий. Этот вывод подтвердился тем обстоятельством, что вскоре по приезде в Индию, как только к этому представилась возможность, Лебедев приступил к изучению языков, без чего, по его мнению, невозможно изучить страну.

О целях своего путешествия он писал следующее: «...Я и в начале, и в продолжении моего путешествия, главнейшею целию моих трудов поставлял усовершение природных моих склонностей, славу и пользу моего отечества; не отнимая в прочем справедливости у той нации, для обозрения которой руководствован я был...»³. В одном из его писем говорится: «Не позабавить только человеческого рода друзей, а больше для пользы возрастающих во обширно-цветущей России юношей... старался... научиться Бенгальскому... Гиндостанскому языкам и сколько мог шанскрицкому... Дабы чем напомянуть и уверить, что без знания оных странствующий как и я в разных государствах Гиндостанской земли о многом никогда не допытается, и о поселившихся в них в разные времена о народах верного известия... обрести не может»⁴. Русскому послу в Лондоне графу С. Р. Воронцову Лебедев писал: «И постарайся... единоземцам нашим зделать известными мои по любви к отечеству приобретения написанные с бенгальскими словами и переведенные при всевозможном о правде разыскании...»⁵.

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Посвящение.

² В. Бартольд. Указ. соч., стр. 278.

³ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. VII—VIII.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 52 (об. 5).

⁵ Там же, л. 39 (18 об.).

В том же письме к Ворошцову Лебедев высказал мысль, что «эти написанные известия служат не ради чтения только одного, но неменьше ради сношения с таковыми восточными народами, с которыми Россия (тебе лучше известно) может не имела никогда переписок...»¹.

«Сиятельный граф Семен Романович Ворошцов смелость мою надеюсь, вы изволите не токмо извинить, но и извлечь думая благоволение воспокрывительствовать ибо милостивый государь желаю сделать по возможности услугу верно-поданным сынам преславной российской державы; и по довольном распознании гиндустанских языков при всех моих хлопотах вольных и невольных я не позабыл почесть себе за великую честь к вашему сиятельству из Востока писать прошлого года корабля Ройял шарлот с капитаном, о моем сверх чаяния успехе...»².

Все эти высказывания свидетельствуют о его большой любви к родине, стремлении прославить ее и принести ей посильную пользу. Движимый желанием послужить своему отечеству, Лебедев отправился в Индию.

Намерение Лебедева поехать в Индию, видимо, заинтересовало русское посольство в Англии, где находился Лебедев. В русских правительственных кругах, вероятно, возлагали надежду на то, что это путешествие прольет свет на сложное положение, возникшее в Индии. Там шла борьба англичан с сильным южноиндийским государством Майсур, стремившимся изгнать иноземных завоевателей и установить свое верховенство на Индийском полуострове. Борьба эта еще не закончилась, и российская дипломатия нуждалась в сведениях из первых рук. Поэтому желание Лебедева изучить Индию встретило известное сочувствие в русской дипломатической среде. Однако, как мы увидим ниже, Лебедев не оправдал этих ожиданий, ибо его пребывание в Индии затянулось на целых двенадцать лет, причем главными его занятиями явились наука и искусство.

Лебедев надеялся, что сообщаемые им сведения об Индии смогут «удовлетворить истинных любителей просвещения, и беспристрастных испытателей разнообразных предметов»³. В предисловии к книге «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов священных обрядов их и народных обычаев» Лебедев писал, что изучение Индии важно, «послику

¹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 19 (38 об.).

² Там же, л. 39 (18 об.).

³ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. VII.

Восточная Индия, кроме ее изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а может быть и целый свет завистливыми взирает очами: есть та первенствующая часть света, из которой по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга расселялся; и который национальный Шомскритский язык, не довольно со многими Азиатскими, но и с Европейскими языками имеет весьма ощутительное и в правилах сближение»¹. Для нас важно отметить здесь, что у Лебедева на первый план выступает научный интерес к Индии. Правда, круг проблем, занимавших Лебедева, частью теперь уже не представляет интереса, а самая теория общей прародины человечества устарела, хотя в свое время она имела значение для европейской науки. Обладая широким взглядом на значение науки, Лебедев полагал, что изучение стран и народов, их быта, культуры, истории, языков и верований должно способствовать установлению мирных взаимоотношений между странами и народами. Выражая надежду, что и его старания будут небесполезными для науки, Лебедев писал, что труд этот «обратит внимание не одних соотечичей моих, но и разностранцев, и послужить может для ревностных испытателей некоторым путеводством, к испытанию многих затмившихся в течение веков древностию, как в священных, так и в политических бытописаниях эпох, которых открытие, по общему благомыслящих ученых мужей признанию, соделывает в рассеянном по лицу земли человеческом роде союз...»².

Из всего сказанного следует, что ясно осознанная цель, а не случай привели Лебедева в Индию, и что, кроме намерения заняться изучением этой страны, он обладал уже и некоторой общей подготовкой, а главное, широким кругозором и большим жизненным опытом.

15 августа 1785 г. Лебедев высадился в Мадрасе, одном из старых опорных пунктов английского владычества в Индии. В Мадрасе о музыкальных дарованиях Лебедева были уже наслышаны. Градоначальник Вильям Сиднем предложил Лебедеву заключить с ним двухгодичный контракт на постановку различных зрелищ. По этому контракту Лебедеву, кроме сборов, было установлено содержание в 200 фунтов стерлингов в год. В Мадрасе Лебедев занимался не только музыкой, которая доставляла ему средства к жизни, но и изучал индийские языки и сделал попытку начать изучение интересовавших его вопросов, в частности религии индуизма. В Мадрасе

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. I.

² Там же. Посвящение.

Лебедев выучил один из языков Южной Индии¹. Однако серьезно заняться изучением интересовавших его вопросов он не смог, так как в Мадрасе ему не удалось найти преподавателей. Изучение «духовного языка» Индии — санскрита — находилось в то время еще в младенчестве².

По истечении срока контракта Лебедев в 1787 г. пересел в Калькутту. Время пребывания его там было наиболее плодотворным как в смысле занятий языками, так и изучении страны. «Из Мадраса в 1787 годе я переехал в Калькоту, — писал Лебедев, — где моя музыка гораздо более обратила любителей оныя на себя внимание; и как она доставила мне там гораздо выгоднейшее состояние, то я начал рачительно входить в распознавание предлагаемых в книге сей предметов»³. Но и в Калькутте русский путешественник не сразу смог найти людей, способных обучить его языку бенгали и санскриту, которые были необходимы Лебедеву для ознакомления с книжной ученостью брахманов. Из «порченных грамматик индийских диалектов, писанных европейцами и озаглавленных без различия грамматиками индостанского языка»⁴, Лебедев также не мог приобрести необходимые ему для изучения индийских языков и литературы сведения. В течение первых двух лет его попытки предпринять серьезное изучение индийских языков были безуспешны. «Затруднительно же сие предприятие (изучение Индии. — Л. Г.) по тому, что при всех в разные времена покушениях любопытных испытателей нетокмо о Брамгенских Системах, но и свойстве древнейшего их Шомскритского языка точного сведения по сие время Европа еще не имела, да и в самой Индии, ни от кого сих предметов не можно занять, кроме Брамгенов, которые на прибывающих тамо европейцев не инако смотрят, как на бесчеловечных гошителей, или как на презрительнейших своих париев, которые употребляются у них для выносу и вывозу всякой нечистоты из

¹ В Мадрасе, как писал сам Лебедев, он несколько научился «малабарскому» языку. С. К. Булич полагает, что знакомство Лебедева с языками Индии началось с малайялам. Это предположение вполне допустимо, так как малабарский язык — малайялам — распространен в Западных Гхатах. Однако можно предположить и другое. Поскольку Лебедев жил в Мадрасе, где распространены два южноиндийских языка — тамильский и телугу, постольку вероятно его знакомство с каким-либо из этих языков. В настоящее время трудно установить, с каким же языком Индии познакомился Лебедев в Мадрасе.

² Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. III.

³ Там же,

⁴ Lebedeff. Grammar of the pure and mixed East Indian dialects..., p. III. С. К. Булич. Указ. соч., стр. 620.

домов и из дворов»¹. Все же Лебедеву удалось преодолеть и это затруднение. Когда, казалось, иссякла уже всякая надежда найти подходящего переводчика и учителя, домоуправитель Лебедева познакомил его с бенгальцем Голокнатхом Дасом. Этот учитель знал бенгали, хиндустани, санскрит и, вероятно, английский язык. Сам Голокнатх Дас очень хотел выучиться музыке. На следующий же день после первой встречи с Голокнатхом Дасом, пишет Лебедев, «он предложил мне усвоить санскритскую азбуку, тем более, что в ней я мог найти ключ к неопенимым сокровищам восточных наук и знаний». Приступив к занятиям языками, Лебедев целиком отдался этому делу. «Тебе известно, — писал он Я. И. Смирнову, — с которого время я начал знакомиться с гиндостанскими языками, и позабывши так думать о всем другом старался со всевозможною рачительностью совершить»². Вскоре он уже достиг успехов в своих занятиях. Он составил несколько диалогов на бенгальском языке и хиндустани на различные темы, от бытовых до научных, «выразумел... Брамгенскую Азбуку, Словарь, Грамматику, Арифметику, Календарь»³.

Герасим Лебедев, однако, не ограничился теоретическим изучением индийских языков — делом в то время весьма трудным, поскольку европейская наука в этой области делала, как указывалось выше, лишь первые шаги. Он задумал предприятие, совершенно неслыханное в то время: он решил использовать свои занятия индийскими языками и литературой, чтобы практически познакомить индийское общество с европейской театральной культурой. В конце XVIII в. знания и эстетические представления индийцев оставались всецело средневековыми. Традиции великой индийской культуры держались еще прочно, но феодальные междоусобицы и колониальное положение значительной части ее привели к серьезному упадку культуры. В этих условиях намерение Лебедева познакомить индийцев с европейской драматургией имело, несомненно, положительное значение, так же как и вся его просветительская деятельность.

Во время занятий языками Герасим Лебедев перевел с английского на бенгали две драмы. В «течение пяти лет, — писал Лебедев, — при помощи учителей моих, успел перевести с

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. I—II.

² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 35 (22 об.) Письмо Я. И. Смирнову из Калькутты от 23 июля 1797 г.

³ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. IV.

Английского языка на Бенгальской две драмы; из которых одну, в 1796 году имел я честь под моим распоряжением представить два раза обоего пола Бенгальскими Актерами и удовольствовать оную Европейских и Азиатских жителей, в собственном мною устроенном театре; чего прежде меня, никто из Европейцев в Калькоте не произвел»¹.

История этого театра такова. Учитель Лебедева Голокнатх Дас посоветовал ему поставить одну из переведенных драм и обещал посодействовать в подыскании актеров из бенгальцев. Чтобы удостовериться в правильности переводов, Лебедев пригласил к себе домой некоторых ученых и прочитал им рукописи своих трудов. Кроме того, Лебедев хотел узнать, какое впечатление произведут на его слушателей переводы драм. Это показывает, что Лебедев очень ценил мнение бенгальской публики и стремился к тому, чтобы драмы удовлетворяли вкусам бенгальцев. После того как подготовленные им переводы были одобрены пандитами, Лебедев обратился за официальным разрешением на постановку пьесы к тогдашнему губернатору Индии Джону Шору². Получив разрешение, Лебедев, вероятно, для того, чтобы ускорить постановку, намереваясь в будущем построить собственный театр, обратился к антрепренеру английского театра в Калькутте³. Однако предложение Лебедева встречено было насмешками, английские театральные дельцы отнеслись к идее Лебедева как к предприятно безумному, обреченному на неудачу. В здании ему отказали⁴. И тогда, писал Лебедев, «оградилась я непоколебимостью и раскаленного и пылавшего предприятия твердость замкнувши во уме; смело решился на остальные деньги построить в наемном доме свой театр, который вмещал более трехсот персон, и быть архитектором, повелителем надзирателей за столярами, плотниками, кирпичниками и другими работниками»⁵.

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. III—IV. См. также ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 52 (5 об.).

² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 об. [6]. Письмо А. А. Самбурскому «По переводе помянутых комедий (мне надо было сделать известными и для сего) выпросил я у г-на губернатора (Sir John Shore) Ивана Шорья позволение представить публично. Он позволил».

³ ЦГАЛИ, там же.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 (6 об.).

⁵ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 (6 об.) Театр помещался на улице Домтола (Dometola), находящейся в самом центре Калькутты. В письме к Воронцову Лебедев, между прочим, отмечал, что театр вмещал четыреста зрителей. Это расхождение объясняется тем, что театр был впоследствии расширен.

Строительство театра велось по плану, составленному самим Лебедевым. Одновременно со строительством театра происходили репетиции и спевки. Группа состояла из тринадцати человек — трех женщин и десяти мужчин, музыкальный ансамбль включал десять человек. «Между многочисленными заботами, — писал Лебедев, — успел также научить комедиальному действию дикокажущихся бенгальцев; трех женщин и десятирех мужчин. И такое же число научил петь гиндустанскими словами и играть музыку, сочиненную мною на тот случай их любимыми инструментами»¹.

Лебедев соединял в одном лице организатора, режиссера-постановщика, композитора, дирижера и музыканта и художника-декоратора. Как переводчик он не ограничился простым переводом пьес, а творчески их переложил, внося ряд изменений и дополнений. Стараясь сделать пьесы более понятными местному населению, Лебедев перенес действие в индийские города Калькутту и Лакноу, а европейские имена действующих лиц заменил бенгальскими, такими как Бголат Бабу, Шуки Муки, Шук Мой. Весьма удачно Лебедев внес в свои драмы шуточный элемент в виде фарсов и мимических сцен².

Выше говорилось, что Лебедев стремился сделать постановку более понятной бенгальцам, донести до них европейское драматическое искусство. Очень показательно, что при этом образцом для него служил русский национальный театр. Вот что он пишет по этому поводу: «И когда на воздвигнутых кирпичных и деревянных столбах и подпорах перекладах и на забойнах положена была уже кровля в партере (в зале) и в двух этажах (рядах) насланы были полы: старался я потом на отделанном для представления явлении полу подобно моему земляку Федору Совкову в Калкуте будто в Москве намалевать ширмы в бенгальском вкусе»³.

Когда подготовка была закончена, Лебедев пригласил на просмотр пьесы своих друзей, которые одобрили постановку. Первое представление состоялось 27 ноября 1795 г. в переполненном театре, который не мог вместить всех желающих⁴. 21 марта 1796 г. драма была показана второй раз полностью,

¹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).

² О сроках постройки см. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077. В тетради с переводами пьес (ед. хр. 6076) на внутренней стороне обложки фраза: «Театр мой начат строится».

³ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 (6 об.). «Признаюсь, не так как было должно красиво, но был доволен по пословице: голого неделью да своеста рукоделью», там же, л. 50 (об. 7).

⁴ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.). В кн. «Беспристрастное созерцание...» как известно, говорится, что драма была поставлена

в трех актах, и имела также большой успех¹. Хорошее начало задуманного Лебедевым предприятия поселило в нем уверенность в дальнейших успехах на театральном поприще.

Лебедев расширил помещение театра, стал подбирать труппу и подыскивать декоратора². Но его желаниям не суждено было осуществиться. Английским «торгашам» пришлось не ко двору просветительская деятельность Лебедева. К тому же в лице Лебедева и его театра содержатель английского театра, в делах которого были заинтересованы некоторые чиновники Ост-Индской компании, увидел конкурента³. Против Лебедева ополчилось все английское общество в Калькутте, и в конце концов совместными усилиями дельцы Ост-Индской компании погубили театр Лебедева, а самого его довели до разорения.

Но на этом происки врагов Лебедева не прекратились. Вокруг него образовалась враждебная атмосфера. Напрасно он пытался найти поддержку и совет у различных представителей местных властей. В ноябре 1796 г. он обратился к ним с письмами, из ответов на которые можно было узнать, что в глазах англичан самая мысль давать представления на бенгальском языке являлась предосудительной и неизбежно должна была вызвать вражду к инициатору этого дела. Бесплодным оказалось и обращение Лебедева к главному судье Роберту Чамберсу от 4 февраля 1797 г.

В такой явно враждебной обстановке Лебедеву было не под силу выдержать единоборство со своими врагами, пользовавшимися сочувствием «общества» и поддержкой властей, в частности английского колониального суда. Сам суд стал орудием преследований Лебедева. Его стали систематически допимать тяжбами и судебной волокитой. Длинная цепь преследований завершилась арестом Лебедева по одному из ложных обвинений. Стойко и мужественно выносил он все эти напасти. Полная несостоятельность выдвинутых против Лебедева обвинений заставила английский колониальный суд оправдать его.

Вынужденный прервать свои научные занятия и не имея возможности продолжать свою просветительскую деятельность, Лебедев покинул страну, которой он в течение многих лет отдавал всю свою энергию и все свои помыслы.

дважды в 1796 г. Вероятно, имеются в виду полные, в трех актах, постановки. В архиве сохранилось объявление о третьей постановке. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6076.

¹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).

² Там же, л. 8 (49 об.).

³ Там же.

Выше было отмечено большое значение просветительской деятельности Лебедева в Индии. Оценивая ее в целом, следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Лебедев общался с брахманами, с пандитами, с индийцами различного общественного ранга, разных каст и классов. Ему удалось преодолеть предубеждение индийцев в отношении европейцев, что объясняется, безусловно, тем, что в нем они встретили не колонизатора, а друга. Лебедев правильно отметил, что изучение санскрита затруднялось для пребывавших в Индии европейцев тем, что брахманы рассматривают последних как «презрительных париев», как «неприкасаемых». Известно, что основоположник английской индологии Джонс с очень большим трудом нашел преподавателя санскрита, да и то не брахмана.

В этой связи показательно, что Лебедев тесно сошелся с брахманами, которые были его учителями, наставниками, друзьями. Взаимоотношения Лебедева с индийцами и вся его деятельность свидетельствуют о том, что в тогдашней Бенгалии уже произошли некоторые социально-экономические сдвиги, что в результате этого в Калькутте появилась значительная прослойка передовой интеллигенции, знакомившейся с европейской культурой.

Эта интеллигенция стремилась к тому, чтобы Индия, сохраняя свою древнюю культуру, знакомилась с достижениями мировой культуры. Мы можем рассматривать индийских друзей Лебедева, — таких, как Голохнатх Дас и других — как предвестников индийских просветителей, предшественников Рам Мохан Роя. Просветительская деятельность Лебедева, таким образом, нашла в Бенгалии благоприятную почву; Лебедев оказал влияние на индийскую передовую интеллигенцию, пытался удовлетворить ее запросы и нужды.

Из Индии Лебедев сперва направился в Англию, а затем возвратился в Россию. Первые восемь лет после возвращения из Индии Лебедев посвятил писательской и издательской деятельности. Приехав в 1802 г. в Петербург, Лебедев определился в Коллегию иностранных дел. Находясь на государственной службе, он выслужил чин надворного советника. О петербургском периоде жизни Лебедева известно немного. Умер он в 1817 г.

* * *

Герасим Степанович Лебедев не только отважный и предприимчивый путешественник и одаренный музыкант. Для своего времени он был крупным ученым, труды которого пользовались всеобщим признанием.

В начале XIX в. у нас не было знатока Индии, равного Герасиму Лебедеву. Важно и то, что знания его не остались втуне. Правда, печататься Лебедев стал поздно, когда ему было уже пятьдесят лет, и полностью осуществить свои научные замыслы он не сумел. Но и то, что он успел сделать, заслуживает внимания. Поразительно как много совершил этот человек, поставивший перед собой трудную и сложную задачу изучения Индии.

Естественно, что всякий, кто приступал к изучению Индии, обращал внимание прежде всего на языки народов этой страны. Поэтому уже в период предистории индологии как науки, во время простого накопления знаний об Индии, когда нельзя еще было говорить ни об индийской филологии, ни о других ветвях современной индологии, в Европу стали проникать, наряду с общими сведениями об Индии, и сведения об отдельных языках. Очень рано началось изучение новоиндийских языков, в частности гуджарати и бенгали. В XVII в. и даже раньше стали приходить в Европу отрывочные сведения и о древнем индийском языке — санскрите. Так, в XVI в. итальянец Сассети обратил внимание на родство между санскритом и западноевропейскими языками. В 1651 г. голландец Авраам Рожер опубликовал работу, в которой упоминалось о Ведах. В 1740 г. П. Понс описал грамматический строй санскрита и шесть основных философских систем Индии. Немецкий иезуит Ханкследеи (1699—1732) написал первую санскритскую грамматику на латинском языке. В 1790 г. появилась лучшая для своего времени грамматика, написанная Фра Паоло Бартоломео.

Всесторонним, комплексным изучением Индии занялись прежде всего ученые тех стран, которые вступили в непосредственный контакт с этой страной. В наиболее благоприятном положении в отношении возможностей изучения Индии оказались английские ученые. В половине XVIII в. англичане заняли главенствующее положение среди европейских держав, соперничавших за установление господства над Индией. Одержав победу в Семилетней войне, Англия навсегда покончила со своим французским конкурентом в Индии, развязав тем самым себе руки для дальнейшей экспансии вглубь страны. События этой войны, как отмечал К. Маркс, «...превратили Ост-индскую компанию из коммерческой силы в силу военную и территориальную. Именно тогда было положено основание нынешнему владычеству Англии на Востоке»¹. Английское

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 354.

господство в Индии держалось на беспощадном деспотизме колониального военно-бюрократического аппарата, на превосходстве военной силы англичан. Однако этого было далеко недостаточно, чтобы завоевать, а тем более удержать в повиновении такую огромную страну, как Индия. История ограбления Индии англичанами показывает, что они использовали в своих интересах внутреннюю слабость и раздробленность Индии, политическую, кастовую и религиозную разобщенность ее народов. Вместе с тем практические потребности английского господства в Индии вызвали к жизни ее изучение. Правда, в большинстве своем невежественные авантюристы, стекавшиеся в Индию с единственной целью разбогатеть, не интересовались изучением Индии. Многие из них не знали даже языка народа, среди которого они жили. Отмечая это обстоятельство, Г. Лебедев писал, что «весьма мало европейцев за тяжестью разумеют бенгальский язык»¹; «компанейские сосуны», говорил он, «не доразумевают азбучного ясного блеску; ключичи не могут и этот словесных гиндустанских язычных земчужин»².

Однако в конце XVIII в. наиболее дальновидные деятели англо-индийской администрации понимали, что для упрочения господства над завоеванной страной необходимо знать ее историю, обычаи, религию, литературу. Первый генерал-губернатор Индии Уоррен Гастингс (1772—1785) понимал, между прочим, значение изучения Индии, сам владел несколькими индийскими языками и принимал участие в основании «Азиатского общества Бенгалии» (Asiatic Society of Bengal). С возникновением этого общества связано зарождение английской индологии. Идея создания общества принадлежит Вильяму Джонсу, который прибыл в Калькутту в октябре 1783 г. в качестве главного судьи форта Вильям в Бенгалии. Известный ученый и лингвист, который уже достаточно хорошо был знаком с индийскими классиками и увлекался восточными рукописями, он вскоре высказал мысль о необходимости объединить усилия отдельных ученых и организовать с этой целью общество для изучения истории, естественных наук, искусства и литературы.

15 января 1784 г. на собрании учредителей было принято решение о создании «Азиатского общества». Основателями общества были крупнейшие чиновники Ост-Индской компании, такие, как Роберт Чамберс, Хайд, Вильям Джонс, Джон Шор

¹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).

² Там же, л. 20 (37 об.).

(впоследствии губернатор Индии), Ричард Джонсон, Чарлз Вилкинс, Френсис Гладвин и др.¹

Интересно отметить, что организаторы общества не рассчитывали, что в качестве его членов будут допущены индийцы. Только много лет спустя этот вопрос был пересмотрен. В этой связи несомненный интерес представляют взгляды Лебедева, который выступал против кастовости в науке, против национальной ограниченности, самомнения и пренебрежительного отношения английских ученых к представителям других наций. «То чтобы могло и англичанам не токмо новостию также опять нравиться (но вернейшим о языках правдивым уведомлением) публиковать в Калкоте не могу затем, что иностранцово уравнение а науках переводчикам несносно торговцам неприятно: и компанейское купеческое государственное правление для ободрения своих учится языкам, так окуражит никак не желает. И в тапершее мое состояние без заплаты в печать сдать не могу...»².

Предметом деятельности «Азиатского общества» были как естественные, так и общественные науки. В печатном органе общества «Азиатских исследованиях» публиковались работы на самые разнообразные темы. Так, в интересующий нас период были напечатаны статьи Вильяма Джонса: «Рассуждение о написании азиатских слов латинскими литерами»³, «О мистической поэзии персов и индусов»⁴, «О философии азиатов»⁵ и другие, Х. Т. Колбура «О санскрите и пракрите»⁶, Говердана Кауля «О литературе индусов»⁷, Давида Ричардсона «Список цыганских и хиндустанских слов»⁸ и т. д.

В это время появлялись статьи об археологических памятниках Индии, по биологии, математике, астрономии, религии, истории, языкам и литературе.

Несомненно, что Лебедев был знаком с современной ему литературой по Индии, он был в курсе проблем, занимавших в то время английских индологов. Об этом свидетельствуют, в частности, ссылки его на работы Вильяма Джонса и полемические его замечания как в печатных работах, так и в рукописных материалах. Кроме того, в книгах Лебедева затраги-

¹ Centenary review of the Asiatic Society of Bengal. From 1784 to 1883. Published by the Society. Part I. Calcutta, 1885, p. 3.

² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 20 (37 об.).

³ «Asiatick Researches», v. I, 1788.

⁴ Там же, т. III, 1792.

⁵ «Asiatick Researches», v. IV, 1795.

⁶ Там же, т. VII, 1801.

⁷ Там же, т. I, 1788.

⁸ Там же, т. VII, 1801.

вались многие из тех вопросов, которые привлекали внимание и английских ученых. Лебедева интересовали, например, принципы транскрибирования восточных слов, в том числе индийских. Как и Вильям Джонс, Лебедев признавал несовершенство английского алфавита для правильной передачи фонетических особенностей отдельных индийских языков. При этом Лебедев высказал оригинальный взгляд по этому вопросу, который состоял в том, что он считал наиболее подходящим для правильной передачи фонетических особенностей индийских языков русский алфавит. Естественно, что в своем «Беспристрастном созерцании...» Лебедев практически пытался провести транскрипцию знаками русского алфавита. Насколько это сложное дело, можно судить по тому, что и на современном уровне науки нам приходится встречаться с определенными трудностями всякий раз, когда возникает необходимость единообразно передать грамматические особенности написания на русском языке восточных слов. Для науки того времени такая задача была невыполнима. Для Лебедева она представляла тем большие трудности, потому что он не имел соответствующей подготовки.

Для характеристики лингвистических взглядов Г. С. Лебедева существенное значение имеет одно из его высказываний, содержащееся в книге «Беспристрастное созерцание...». Лебедев, отмечая одну из причин, по которой изучение Индии является весьма важным делом, ставил во главе следующее обстоятельство:

«...Восточная Индия, — писал он, — кроме ее изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а может быть и целый свет завистными взирает очами: есть та первенствующая часть света, из которой по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга расселился, и которыхя национальный Шомскритский язык не довольно со многими Азиатскими, но и с Европейскими языками имеет весьма ощутительное в правилах сближение.

«Не оспоримость сея истинны, кроме других премногих историков, довольно ясно доказали: господин Ломоносов, Паллас, и Алексей Агафонов: из коих Первый, в краткой его о Россах истории объявляет, что «прародители Славенские Сарматы, Амазоны, Варяги, Россы, или Россоланы, и другие разные народы. происхождение свое имеют из Азии, и составляют один рассеянный народ». А на Индийском языке те же самыя именованія выговариваются Шор-мата (Райские жители), Амархъоны (мое стяжание), Бара-гей, или Бар-гей (Восточный народ), Росс нами, или Россол нами (сыны света). Второй, в

путешественном его издании показывает великое сходство Манчжурских или Китайских божеств, с изображениями божеств Индийских: Третий, в переведенной им на Российский язык Манчжурского и Китайского Шун-джи Хана книге о законах, представляет множество слов Шомкритского языка»¹.

Независимо от доказательств, приводимых Лебедевым в подтверждение своей мысли, которые были совсем в духе этимологий того и даже несколько позднего времени², важно подчеркнуть, что Лебедев здесь выражал взгляд на Индию как на языковую прародину человечества, а в санскрите видел то, что современные лингвисты называют языком-основой. В цитированном выше отрывке выражено, кроме того, совершенно определенно положение о близости санскрита с восточными и европейскими языками, в том числе с русским языком.

В зарубежной лингвистике прочно утвердилась традиция считать основоположником сравнительного метода изучения языков Фр. Боппа, хотя не раз в литературе было отмечено, что идея родства санскрита с европейскими языками, прежде всего языками классическими, была выражена задолго до появления работы Фр. Боппа³.

Так, Б. Дельбрюк во «Введении в изучение языка» (*Einleitung in das Sprachstudium*) отмечал, что когда Фр. Бопп приступил к изучению санскрита, мнение о родстве этого языка с греческим и латинским было высказано и подтверждено некоторыми доказательствами⁴. Вильям Джонс говорил об этом родстве еще в работе 1786 г. «Санскритский язык, — писал он, — обладает удивительным строением; он совершеннее греческого, богаче латинского, выработан тоньше обоих. Как в отношении глагольных корней, так и в отношении грамматических форм, он стоит в родственной связи с обоими древними языками, — связи столь близкой, что она не может быть делом случая, и столь определенной, что всякий филолог, изучающий эти три языка, должен прийти к убеждению, что они произошли из одного и того же источника, который, быть может, более уже не существует. Такие же доказательства, хотя и не столь убедительные, говорят в пользу того предположения, что готский и кельтский языки, хотя и смешанные с неродственными»

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. I.

² С. К. Булич. Указ. соч., стр. 623, 624.

³ Fr. Boopp. *Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, latinischen, persischen und germanischen Sprachen.* Frankfurt, 1816.

⁴ С. К. Булич. Указ. соч., стр. 1 (соч. Б. Дельбрюка «Введение в изучение языка»).

языками, имеют также одинаковое происхождение с санскритом»¹.

Другие ученые, в частности Ф. Шлегель, отмечали близость санскрита к авестийскому, древнеперсидскому, немецкому и другим языкам. Работа Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индусов» вышла в 1808 г.

Книга Лебедева, из которой взята приведенная выше цитата, относится к 1805 г., причем, как явствует из текста ее, Лебедев склонен видеть в санскритском языке «спрязык» — «язык-основу» других языков, в том числе и русского.

Таким образом, можно считать, что Лебедев был в числе первых, кто в общей форме выдвигал идею близкого родства санскрита с рядом других языков. Взгляд этот, вероятно, был им усвоен в результате знакомства с работой В. Джонса, которая толкнула его на самостоятельные изыскания для подтверждения этой мысли. К последнему представилась возможность во время занятий Лебедева индийскими языками под руководством индийских учителей, от которых он мог воспринять индийскую сравнительно-историческую традицию².

Идея эта была присуща Лебедеву, но он не развивал ее далее, что объясняется как тем, что внимание его было поглощено практическим овладением индийскими языками, так и тем, что для теоретического изучения языков и тем более в сравнительно-историческом плане нужна была профессиональная подготовка. При всем том следует поставить в несомненную большую заслугу Лебедеву то, что он в своей работе — первой оригинальной индоведческой работе в России — выдвинул как одну из главных причин для изучения Индии — родство санскрита с некоторыми восточными и европейскими языками. Известно, что в последующий период санскритология заняла в русской индологии столь значительное место, что отодвинула, а по сути дела чуть ли не вытеснила совсем изучение современных индийских языков, начинателем изучения которых в России был Г. С. Лебедев.

Научные интересы Г. С. Лебедева лежали главным образом в области языковедения, но в то же время его привлекали история, литература, астрономия, религия и обычаи индийцев. В своих двух основных работах Лебедев касался этих вопросов.

¹ Цит. по кн. «Asiatic Jones, the Life and Influence of Sir William Jones (1746—1794) Pioneer of Indian Studies. By A. J. Arberry, Litt. D.», London, 1946, p. 22, см. также С. К. Булич. Указ. соч., стр. 1.

² Об этой традиции см. А. П. Бараников. Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции. «Вопросы языковедения», 1952, № 2, стр. 44—61.

В 1801 г он напечатал в Лондоне грамматику языка хиндустани¹. Об издании этого своего труда Лебедев говорил следующее: «...Издан я в Лондоне 1801 года собственным моим рачением и иждивением, собранную индийских смешанных диалектов народную грамматику, каковой Европа еще никогда не имела; в чем оправдать меня могут все знающие оных диалектов свойство беспристрастные испытатели. . .»².

Работа Г. С. Лебедева интересна для нас, как первое сочинение русского автора по индийской филологии, основанное на самостоятельном изучении им новоиндийских языков.

В основу написания этой грамматики легли лингвистические материалы, собранные Лебедевым в результате самостоятельного изучения им новоиндийских языков. Общелингвистическая подготовка индийских учителей Лебедева была недостаточна, собственные его познания и теоретическая подготовка также в целом не подымались выше уровня знаний его предшественников в области изучения новоиндийских языков. Понятно поэтому, что, хотя Лебедев и смог в ряде случаев указать на ошибки в тех работах английских авторов, которыми он пользовался, он сам допустил ряд неточностей. Грамматика Лебедева давно утратила значение как практическое пособие, но она представляет несомненный интерес для истории науки, для истории языка, как первый опыт составления грамматики новоиндийских языков в России. Здесь кстати будет отметить неточность, допущенную академиком В. В. Бартольдом, который ошибочно считал, что Лебедев написал грамматику санскритского языка. На самом деле книга Лебедева представляет собой грамматику калькутской модификации хиндустани, в основе этой книги лежит калькутский говор хиндустани с весьма заметным влиянием бенгальского языка.

Грамматика Лебедева была в числе первого десятка работ подобного рода, появившихся в то время в Европе, и находилась

¹ «Grammar of the pure and mixed East Indian dialects, with dialogues affixed spoken in all the eastern countries, Methodically aranged at Calcutta, according to the Brahmenian System, of the Shamscrit language. Comprehending literal explanations of the compound words, and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language etc. Calculated for the Use of Europeans. With remarks on the errors in former grammars and dialogues of the Mixed dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans: together with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit Alphabet; and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches... By Herasim Lebedeff». London: Printed by J. Skirven, Ratcliff-Highway; for, and sold by the author, № 3, Warwick-place, Bedford-row; and by Mr. Deberett, bookseller. Picadilly, 1801.

² Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. X.

на уровне тогдашних лингвистических знаний. Естественно, что Лебедев, обладая незаурядными способностями, смог в совершенстве практически овладеть языком, но недостаток общей подготовки затруднил ему теоретическое изучение языков. Это обстоятельство отразилось на его собственных разысканиях в области индийского языкознания. Однако нельзя не отметить, что Лебедев в этой своей книге, как, впрочем, и в другой, сделал попытку критически разобраться в работах своих предшественников и современников. Работа Лебедева построена не только на лингвистических сведениях, полученных им в результате непосредственного общения с носителями определенной языковой культуры, но и на материалах работ некоторых английских ученых, в частности Дж. Хэдли и Фюрюссона. В названной грамматике Лебедева, наряду с позитивным изложением предмета, мы встречаем ряд критических замечаний в основном по грамматике Дж. Хэдли, который, как и Лебедев, занимался калькуттским говором хиндустани.

Как указывалось выше, во время своих занятий языками Лебедев пользовался работами английских авторов, которые, однако, как он говорил, оказали ему очень мало помощи. Более того, ни в одной из них нельзя было найти «правильной системы санскритской азбуки или грамматики смешанных диалектов, из которых мы могли бы получить сколько-нибудь сносное знание восточных языков».

Лебедев указывал, что из-за многочисленных ошибок, допущенных его предшественниками, их труды «до сих пор доставляли исследователям индийской литературы более затруднений, чем точных сведений».

Он отмечал, в частности, что в своей транскрипции, написании индийских слов придерживается индийского произношения и что в работах европейских авторов, исходящих из иного принципа, нередко искажается подлинный смысл многих слов.

В предисловии к книге «Беспристрастное созерцание» Лебедев говорит: «Все индийские в сей книге речения. писал я не европейскому, а индийскому последуя произношению; за небрежением которого во многих Европейских изданиях самых священных древностей, настоящий смысл коренных языка сего речений так утерян, что собственного их знаменования, с великою трудностию доискаться должно»¹. Лебедев дал критическую оценку работ Фюрюссона, Хэдли и Вильяма Джонса.

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предупреждение, стр. IX.

Лебедев показал, например, что Джонс искажил санскритские тексты в результате ошибочной транскрипции, принятой им. Лебедев, как и Джонс, признавал непригодность тогдашней английской транскрипции для правильной передачи звуков индийских языков. Он считал, что для этого более подходит русская азбука, русский алфавит. Владея в совершенстве бенгальским языком, Лебедев в своей критике Джонса исходил из бенгальского произношения.

Но основная заслуга Лебедева перед русской наукой заключалась в том, что он первый включил Индию в круг научных интересов ученых нашей страны.

Находясь в Лондоне, Лебедев намеревался издать не только упомянутую грамматику, но и книгу «Беспристрастное созерцание». Английские издатели обещали ему посодействовать в издании этой книги, но ничего не сделали, и книга появилась у же в России ¹.

В 1802 г. Лебедев возвратился на родину. Здесь на средства, полученные из казны, он организовал типографию, в которой, впервые в Европе, был отлит подвижной бенгальский шрифт, использованный в изданной им в 1805 г. книге «Беспристрастное созерцание». В этом отношении Лебедев опередил на несколько лет англичанина Чарлза Вилкинса (1749—1836), который применил отлитый им шрифт деванагари только в 1808 г. при издании своей грамматики санскритского языка ².

По замыслу Лебедева в типографии должны были печататься различные работы, по которым русское общество знакомилось бы с Индией. Этой цели и служила названная нами работа Лебедева. В ней он дал обзор религиозных учений индусов, привел сведения об индийском календаре, об индийской торговле, о некоторых обычаях индийцев и др.

Книга эта интересна как первая работа русского автора, самостоятельно изучавшего Индию. Она была вполне на уровне тогдашней науки и в то же время выгодно отличалась от работ ряда известных английских авторов своим беспристрастием и сочувствием к Индии и индийцам.

Книга «Беспристрастное созерцание» состоит из трех частей. В части первой семь глав: 1) о сотворении мира сего, 2) о святой единосущной и нераздельной Троице, 3) об Ангелах индийцами распознаваемых, 4) о светилах небесных, первоначального Лунного века, 5) о сотворении всей земной твари,

¹ Г. С. Лебедев. *Беспристрастное созерцание*... Предупреждение, стр. X.

² С. К. Булич. *Указ. соч.*, стр. 622—623.

БЕЗПРИСТРАСТНОЕ СОЗЕРЦАНІЕ

СИСТЕМЪ

ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

БРАМГЕНОВЪ

Священныхъ обрядовъ ихъ

и

народныхъ обычаевъ,

ВСЕАВГУСТЪЙШЕМУ МОНАРХУ

Посвященное.

по Высочайшей волѣ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

напечатано

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Герасима Лебедева.

1805 года.

Титульный лист книги Г. С. Лебедева «Беспристрастное созерцание. . .»

6) о начальном счислении времени у Индийцев, 7) о четырех индийских веках.

Во второй части книги пять глав: 1) о разделении царств природы, 2) о разделении света сего на планеты и градусы, 3) о светилах небесных первоначального солнечного века, 4) о месяцах и знаках к оным принадлежащим, о шести разных временах годичных, 5) о ключе и расположении табелей в Индийском календаре.

Часть третья включает в себя семь глав: 1) о священных Брамгенских обрядах и пяти разных помазаниях младенцев, 2) о храмах и украшениях к оным принадлежащих, 3) о главных праздниках Индийских, и чудесно страдательных торжествах их, 4) о разности чинов и званий Индийского народа, 5) о народных обычаях индийцев, 6) о изобилиях восточной Индии, 7) о торговле Индийской.

«Беспристрастное созерцание» является первой оригинальной работой на эту тему на русском языке. Как видно из приведенного выше содержания книги, не все в равной мере сохранило интерес до наших дней. Однако некоторые разделы этого политико-географического сочинения XVIII в. представляют несомненный интерес и до сих пор. Некоторые положения этой книги заслуживают быть упомянутыми, так как они интересны как свидетельства очевидца. Так, например, в качестве источника из первых рук могут служить данные Г. С. Лебедева о торговле. «Индийская торговля, — писал Лебедев, — по своему пространству почитаться может всегда матерью всеобщей Коммерции.

«Она состоит в отпуске собственных индийских товаров и продуктов в разные страны света, и в получении взаимно от разных наций в оную привозимых товаров.

«Народы составляющие Индийскую торговлю суть следующие:

«1-е. Англичане, которые и хозяйствуют уже почти во всей Индии. Они привозят в Индию по большей части из России получаемые товары, по мнению их грубые, как рушен бер, то есть, русские медведи; коим наименованием подобно как и Французов чествят френч док: то есть французская собака: так равно как не. просвещенных, снисходительно величают и Россиян»¹. В числе товаров, ввозимых англичанами в Индию, Лебедев называет мачтовый лес, доски, пеньку, лен, парусное полотно, юфть, деготь, сало, железо полосное и дельное, сталь, гвозди, икру, клюкву и бруснику². Англичане при-

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 171.

² Там же.

возят в Индию, как отмечает Лебедев, «...и собственные свои произведения, как то галантерейные разных металлов вещи, сукна шелковые и бумажные материи, башмаки, сапоги, разные свинные окорока; сыры, и приготовленные соусы; разной портер и полпиво, красные и белые виноградные вина, арак, ром, французскую водку, пряничные душистые орехи именуемые каровой, рыбу сальмон, и разные другие товары»¹.

Французский экспорт в Индию, согласно Лебедеву, состоял из различных виноградных вин, водки, ликера, изюма, чернослива, шелковых тканей, вермишели и макарон².

Португальцы ввозили вина, съестные припасы и другие товары³, а голландцы — писчую бумагу, фаянсовую посуду, гладкие и фигурные курительные трубки, сельдь, сыры, голландский джин, копченые окорока и колбасы, батавский арак, ром, нитки и веревки⁴.

Датчане привозили в Индию «...красное вино, пиво, разные водки, сыр, сельди, русскую паесную икру, клюкву и бруснику, парусину и веревки, смолу и деготь, и пр.»⁵

«Шведы ближайшие наши соседы, — отмечал Лебедев, — привозят железо полосное и в деле, медь, ружья, замки, железную разную рухлядь и разные собственные и Российские товары. Американцы привозят как свои так и чужестранные произрастания и произведения»⁶.

Лебедев описывал также порядок торговли западноевропейских купцов в Индии. Привозимые товары выгружались в специальные амбары и магазины, построенные в опорных пунктах европейцев в Индии. Затем их продавали с публичного торга. Не проданные с торгов товары передавались на комиссию, причем поставщики получали от комиссионеров вознаграждение деньгами или индийскими товарами, которые вывозились в Китай, Африку, Америку, Испанию, Португалию и другие страны. В качестве комиссионеров выступали европейцы, армяне, а также индийцы.

Лебедев отмечал также, что конъюнктура цен в области торговли подвержена значительным колебаниям, что при притоке товаров нередко представлялась возможность приобрести их по дешевым ценам. Раздел о торговле Лебедев заканчивал следующими словами: «Из чего нетрудно усмотреть можете

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . . , стр. 171.

² Там же, стр. 172.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

любезные соотчичи, коликих мы лишаемся выгод, чрез сии столь многими оборотами, доставляемые нам иностранцами нужные потребности»¹.

Судя по всему, Лебедев был сторонником установления прямого контакта с Индией, установления непосредственных торговых связей с этой страной. Действительно, краткое описание им торговли западноевропейских государств с Индией показывает, что Россия теряла на том, что ее товары попадали в Индию кружным путем, в результате перепродажи этих товаров западноевропейскими торговыми компаниями. Кроме того, посредничество этих компаний вело к тому, что ввоз необходимых России товаров из Индии был в руках тех же компаний, что удорожало их. О том, что Лебедев проявлял интерес к торговле между Индией и Россией, свидетельствуют также его высказывания в частных письмах.

В книге содержались также сведения о природных богатствах Индии, о растениях и плодах, об изделиях индийского ремесла. Так, например, о Дакке он писал, что она «изобилует всякого сорта лучшими во всей Индии кисеями, называемыми мольмуль или мульмуль, и в множестве другими бумажными разными полотнами, платками и чулками; в косм городе Англинских купцов Таможня, ежегодно собирает пошлин с земных произрастений и с товаров по крайности два крора рупей, иначе называемых така: которой доход, получается ими там с хлеба, соли, табаку, с листов называемых Битель и орехов Шупари, с разного масла и проч, также и с привозного из Европы сукна, шелковых и бумажных материй и проч.»².

Исключительный интерес представляют приводимые Лебедевым сведения этнографического характера, сведения о нравах и обычаях индийцев. Конечно, не всегда и не во всем он прав, не всегда приводит достоверные сведения.

В главе «О нравах и обычаях индийцев» Лебедев, как бы подводя итог своим наблюдениям над индийцами, писал: «Из всего выше нами сказанного довольно явствует, что Индийцы ни мало не похожи на диких, и что более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери. Они не похожи на идолопоклонников, а признают такими тех собою надмевающихся нашельцев, которые жертвуя ненасытной своей алчности на обогащение, к нещастию рода человеческого, пожирают целые государства»³.

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . . , стр. 173.

² Там же, стр. 166.

³ Там же, стр. 155.

Говоря о наличии языческих суеверий у индийцев, Лебедев видит причину этого в непрерывных на их край нападениях, «почти насильно понуждающих забыть и самое человечество»¹.

Однако, как отмечал Лебедев, несмотря на иноземное вмешательство, на насилия над индийцами, они сохраняют лучшие свои качества. Он писал: «При всех однакож чинимых им притеснениях и тиранствах, при всех вносимых к ним соблазнах, удерживают они достойную подражания непреклонность в благочестии»².

Лебедев отмечал верность индийцев своему слову, строгое соблюдение клятвы. «Данную присягу, — писал Лебедев, — весьма свято они наблюдают, и лутче избирают лишиться чести, имения и самаы жизни, нежели кляшися или нарушить клятву; что и собственным опытом мне испытать удалось, да еще и над служительским состоянием; ибо когда домоправитель мой ширкар, потребован был по жалобе садовника моего: к Гражданскому суду, яко бы не уплатил он принадлежащих истцу сему четырех (рублей) рупей, которые действительно были заплачены и в книгу мною самим записаны; то он лутче соглашался вторично их заплатить, или по строгости коммерческого закона сесть в тюрьму, нежели по принуждению корыстолюбивого судьи омочить руку свою пред ним в воде, принесенной из святой реки их Къанкьи³: ибо клятва у них при важнейших случаях, обыкновенно совершается по изречении клятвенной формы, омочением перстов в сей воде»⁴.

Лебедев отмечал также, что родители старались дать детям воспитание и образование, «не пропуская ни мало способных к обучению лет, отдают их в учрежденные для сего в некоторых местах в общественные, а больше в вольные училища; каковых не токмо в городах, но и по селам весьма довольно имеется»⁵.

Лебедев приводил также данные о том, что в силу кастовой структуры индийского общества воспитание и образование имеют сословно-кастовый характер, порождающий монополию брахманов на знания. «Но как выше мы уже упомянули, — писал Лебедев, — что каждого класса чины не имеют обычая из одного в другой род жизни переходить; то Брамгены и все духовенство стараются научать своих детей глубочайшим познаниям,

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . . , стр. 155.

² Там же, стр. 156.

³ Къанкьи — Ганга.

⁴ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . . , стр. 156.

⁵ Там же, стр. 157.

как то: закону Божию, Грамматике, Реторике, Философии, Математике, Физике, Астрономии, Астрологии и прочим важнейшим познаниям; и по сему в их роде более ученых, нежели в других классах отыскать можно»¹.

Что касается других кастовых групп, то внутри их также существовал обычай передавать профессиональные навыки и знания своим детям. О кшатриях Лебедев писал: «Чины военные кетри, хотя и различным образом от Европейцев, но по древнему обычаю они приспособляют также своих детей к свойственному им воинскому упражнению»².

«А писмоводители Коит приучают детей своих к судебным делам, также и Шодокъар лок³, то есть купцы, приготавливают детей своих к домашней и взаимной с другими нациями торговле»⁴.

О других слоях индийского населения Лебедев писал: «Прочие же промышленники, каждый к своему промыслу и рукоделию заблаговременно приучают, и тем самым подкрепляют непоколебимость своего состояния, от которого получают они самодовольное состояние»⁵.

В книге Лебедева содержатся также данные этнографического характера, которые в свое время, несомненно, представляли интерес для современников.

Так, например, он писал: «От кровопролития Индийцы так удалены, что не токмо животных, но и пресмыкающихся и насекомых убивать почитают за грех, чего ради ни когда они не употребляют ни мяса, ни рыбы, а довольствуются токмо земными произрастениями и плодами»⁶.

Лебедев перечислял предметы питания индийцев; рис, ям, орехи и т. д., отмечая, что пищу принимали два-три раза в день.

«Но возобладавшие ими Европейцы, стараются противу воли Индийцев; определить их к торговле мясами; и хотя уже составили и самый мяснический цех не из Индийцев однакож, а из магометанцов и париев; дабы тем самым приучить их к единообразному с Европейцами житию; однакож из сего предприятія нередко рождается более огорчений и неустройств, нежели желаемого единообразия»⁷.

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... стр. 157.

² Там же.

³ Саудагар лог — купцы.

⁴ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... стр. 158.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 159.

Лебедев попытался также разобраться в сословно-кастовой структуре индийского общества, вопросе, который представляет значительные трудности даже для современных ученых, при современном состоянии науки. Попытка эта заслуживает внимания. Так, Лебедев делит все общество на четыре касты, (Чар Чяти), по выражению Лебедева, классы, — брахманов, кшатриев, вайшиев, райатов.

Судя по этому перечислению каст, Лебедев имел относительно правильное представление о кастовой структуре индуизма, хотя и не смог до конца разобраться в этом весьма сложном вопросе. Он, собственно, и не ставил перед собой задачи выяснить происхождение касты. На этот счет в его книге мы находим только одно замечание — о происхождении париев — неприкасаемых. Он считал, что неприкасаемые не представляли какой-либо нации, а что они своим происхождением обязаны завоеваниям, а также пополнялись пленниками или изгнанниками¹.

Описывая касты, Лебедев подчеркивал кастовую замкнутость ремесла, наследственность различного рода занятий в определенной касте, невозможность изменить кастовую принадлежность. Таким образом, отвлекаясь от терминологии, применяемой Лебедевым (классы, знания, чины, цехи), можно утверждать, что он весьма близко подошел к правильному представлению о касте.

Значительное место в работе Лебедева отведено описанию обрядов культа индуизма, религиозных праздников, обрядов инициации.

Он отметил также наличие ранних, детских браков, причем подчеркнул, что обычая этого строго придерживаются только в двух высших классах (кастах).

В книге Лебедева содержатся очень интересные данные о хозяйничании англичан в отдельных провинциях Индии. Так, например, он писал, что с Бенгальской провинции и Бихара англичане собирали ежегодно одиннадцать кроров и рупий, что составляло 13 750 тыс. фунтов стерлингов, «но что они получают с них ныне, — писал Лебедев, — то известно остается одним только их министрам»².

В книге Лебедева имеются также очень интересные бытовые наблюдения.

В высшей степени любопытно описание высших слоев индийского общества.

¹ Г. С. Лебедев. *Беспристрастное созерцание...*, стр. 154—155.

² Там же, стр. 166.

«Сластолюбивые и пышные вельможи их, редко ходят пешие; а большею частью носят их в паланкинах, устроенных двойко, или на подобие коретных ящиков, или на подобие кроватей, укрепленных на шестах легкого, но весьма крепкого дерева Бамбу: носильщики их, именуемые Бира, заменяют место наших извозчиков и лошадей, силою и проворством бега; они ходят также нагие, с одними только как выше сказано обвязками.

«У тех же самых Вельможей, когда они покоятся дома, есть обычай заставлять тех же носильщиков, обмахивать себя большим махалом называемым Панка, как для охлаждения их от жары, так и для от гнания насекомых, и все тело слегка разминать. Те же самые слуги, и не один раз в день, омывают им ноги...»¹.

В своей книге Лебедев отметил пагубное влияние западно-европейских колонизаторов на индийский народ.

Так, он писал о спаивании матросов, в частности индийских, с целью заключения с ними невыгодных сделок: «Европейцы, когда хотят иметь на кораблях своих Индийских Ласкаров, то приказывают они своим посредникам, угощать их сим обыкновенным напитком при курении табака; и чрез сие самое, зделавши их гораздо веселее обыкновенно и решительнее, часто соглашают на предложения для них не выгодные; от которых после договору весьма трудно им отказать, а на и паче, ежели в то время успеют сии посредники Европейцев, вручить им лукаво введенной задаток»².

Отмечая прочность брачных союзов и супружескую верность индийцев, Лебедев вместе с тем подчеркивал развращающее влияние иностранцев.

Во многом усматривал Лебедев пагубное влияние западно-европейцев. Он писал: «Чужова похищать (исключая учеников) они не расположены, и завидовать никакой нации не имеют нужды. Однако ж, примером обращающихся с ними чужестранцев, под видом нашего хлеба, соли и фруктов, а Индийского Чаля, нимок и попельмосов, умеют и подборными ключами отворить сердце, и золотым дождем орошать набожные души притворных политиков»³.

Заслуги Лебедева в области языкознания, в области изучения живых индийских языков, а также в изучении санскрита неоспоримы. Он является у нас основоположником

¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 160.

² Там же, стр. 161.

³ Там же, стр. 163.

изучения новоиндийских языков. Более того — он своим интересом к истории и культуре Индии, к ее действительности наметил правильную линию, по которой должно было развиваться русское индоведение. Однако вплоть до Октябрьской революции в русском индоведении все же господствовало увлечение санскритологией, которая отесняла на второй план изучение живых индийских языков и истории Индии. Индоведческая традиция Лебедева возродилась у нас после Великой Октябрьской революции, когда на основе марксистско-ленинской методологии получила принципиально новое развитие вся востоковедческая наука, установившая неразрывную действительную связь с жизнью современного Востока.
